

Алефтина Васильевна Смирнова

Жила на Почтамтской улице. Мама закрывала меня на ключ, сама уходила на работу. Работала она на Балтийском заводе, уходила в 6 утра, возвращалась вечером, приносила дрова, похлебку. На заводе их кормили, она приносила похлебку мне.

Мама, чтобы прокормить нас, варила папины ремни – они были кожаные, из столярного клея мама варила студень, который казался мне очень вкусным.

Мама устроила меня в детский сад на Адмиралтейской набережной, переулочек Рошалья. Садик работал круглые сутки, я все время плакала. Заведующая садиком уговорила маму остаться в садике.

Мама съехалась с сестрой. Тетя устроилась работать на главпочтамт, а её полуторагодовалого сынишку мама тоже взяла в садик. Перед сном, когда уже все детки в группе уснут, мы ждали маму. Мама приносила нам с братом по маленькой корочке хлеба, которую мы брали в рот и долго сосали, с тем и засыпали.

Помню первый салют. Мы с мамой стояли на набережной. Когда прорвали блокаду, в Адмиралтействе застеклили все окна. Когда сняли блокаду, был такой салют, что все стекла высыпались.

Однажды мы попали под бомбежку на углу Почтамтской улицы и Исаакиевской площади. Милиционер отвел нас с мамой в бомбоубежище. Но в бомбоубежище было опасно прятаться, так как могло засыпать, и были случаи, когда люди задыхались в бомбоубежищах, не имея возможности выйти. Мы с мамой во время бомбежек прятались в сараях во дворе нашего дома.

Когда было 60-летие Победы, одна журналистка сказала, что в городе сажали для ленинградцев овощи. Овощи сажали только для госпиталей. Такой огород был разбит на Исаакиевской площади. На углу Исаакиевской площади и Большой Морской улицы было немецкое посольство, в садике этого посольства сажали овощи, которые охранялись солдатами, вооруженными винтовками. Как-то мы с мамой проходили мимо этого садика и я потянулась за травкой, на меня кинулся солдат с винтовкой. Мне тогда было 5 лет.

В Александровском саду, который находится перед Исаакиевским собором, во время блокады ничего не выращивали. Там была очень высокая ограда. Когда мы с детьми перелезали через эту ограду, я зацепилась за ограду и порвала валенок. Мы очень бедно одевались, вещей практически не было. Мама очень расстроилась.

У мамы медаль «За оборону Ленинграда».

Тетя работала на Главпочтамте. В 1943 году, когда у них была елка, нам подарили по большой американской шоколадке. Она была коричневая.

В 1944 году нам привезли печенье. После того, как мы его съели, все заболели гепатитом, так как по нему бегали крысы. Я лежала в детской больнице в Выборгском районе. Я ходила в длинной рубашке, нас в палате было много детей и все были разного возраста. Маму ко мне не пускали, и она подходила к окну, мы с ней переглядывались. Ночью во время бомбежки в больнице выпали все стекла. А была осень, октябрь, холодно. Мама пошла к директору, окна заколотили фанерой, после этого мы уже не могли общаться с мамой.

Не выезжая из Ленинграда, мы потеряли квартиру. Мама круглосуточно работала в садике, я всё время была в садике. Она иногда ходила смотреть квартиру. Однажды она увидела, что нашу квартиру разбомбило. У нас квартира была двухкомнатная. Сначала кухня-прихожая, следом большая комната 20 кв. м. и следом за ней – маленькая комната 13 кв. м. Все комнаты были проходные. В маленькой комнате находилась спальня родителей. После бомбежки кухня и большая комната обвалились, осталась только маленькая комната.

Маме дали комнату в доме на углу Исаакиевской площади и улицы Якубовича. Окна нашей комнаты выходили на гараж (теперь на месте гаража находится «Вернисаж»). В квартире было 13 комнат и огромный коридор. В основном, жили все, кто вернулся из эвакуации. Наша комната была большая – 23 кв. м. Кухня была огромная – 30 кв. м., плита была большая кирпичная, обитая железом. На кухне было 12 столов, и на каждом стояли примус и керосинка. Примус давал сильный огонь, поэтому его использовали, чтобы довести приготавливаемую пищу до кипения, а потом ставили на керосинку, чтобы довести до готовности на медленном огне. Парадная была большая, дом – очень красивый.

В городе работали военнопленные немцы. Бедные, несчастные, все в обмотках. Мы их очень жалели, но помочь им не могли. Помню, как приехала тетя с фронта и привезла нам огромный холщовый мешок хлеба, этот мешок был с меня ростом. Когда перебирали хлеб, обнаружили плесневелый хлеб, буханки 4. Мама сказала, чтобы я отнесла эти буханки немцам. Немцы увидели хлеб, обрадовались, один немец даже заплакал. Они подарили мне глиняный расписной домик. Немцы делали игрушки и потом продавали их или меняли на хлеб. Я очень хотела такой домик, но купить его мне не могли.

Двухэтажные домики, которые стоят на проспекте Энгельса, на Приморском шоссе, строили немцы, они очень добротны построены по их проектам.

Во время блокады над Александровским садом, Зимним дворцом, Адмиралтейством висели огромные надувные дирижабли, защищая здания от бомбежек. Самолеты так низко пролетали над городом, что задевали трубы домов. Город сверху очень хорошо просматривался. Но немцы город не разрушали. На

Вороньей горе стояла зенитка, которая обстреливала Ленинград. Оттуда Ленинград очень хорошо просматривался. Немцы хотели войти в город, прогуляться по нему, потом, может быть, и разрушить. Бомбили заводы, бадаевские склады.

Мама рассказывала, что во время блокады мы с братом заболели корью. А во время блокады маме выдавали 0,5 литра водки для поддержки организма. Когда пришла врач, она сказала маме, чтобы детям давали по 1 кофейной ложке водки ежедневно для поддержки и самой пить по 30 граммов. Я хорошо помню бутылку – она была зеленая с надписью «Московская водка».

За водой мы ходили к Медному всаднику с ведрами летом, а зимой ведра грузили на санки. Как-то мама с тетей пошли за водой, были ослабшие и пролили воду. Пришлось топить снег.

Мылись мы без мыла – мыла не было. Мама сажала нас в таз и мыла. Вшей у нас не было, мы постоянно мылись и расчесывались.

Во время блокады крысы из города исчезли. В 1944 году, когда в городе стали появляться продукты, появились крысы. Тогда в Ленинград привезли целый эшелон кошек, чтобы они истребили крыс.

В коммунальной квартире было 40 человек. И на всех была только одна раковина и один туалет. Нас, детей 1938 года рождения, было трое, и мы все дружили, ходили в одну школу. Мы вставали в одно время, помыться не успевали. Мама давала мне полотенце, мыло и 1 рубль. Мы приходили в школу, там мылись и шли завтракать: 1 рубля хватало на два пирожка и 1 стакан чая.

В фильме «Место встречи изменить нельзя» идет речь о банде. «Черная кошка» – реальная банда, существовала на самом деле. Людей грабили, убивали, детей крали. Времена были очень страшные. Эта банда орудовала в городе и во время блокады и в послевоенное время.

По карточкам жили до 1947 года.